

Зелена трава, цветы благоухают; А у семьи Е есть уродливая дыня; Лицо в рябинках, всё в пятнышках; Вырастет бедняга — всем на загляденье; В десяти деревнях он даром не нужен; Не нужен он никому, совсем не нужен!

В проулке на улице Сиши кучка детей, самому старшему из которых не было и десяти лет, хлопали в ладоши и распевали самодельную песенку, припрыгивая и повторяя её снова и снова.

Внезапно запертая калитка распахнулась, и оттуда выскочил гэр постарше в сопровождении двоих почти одинаковых близнецов. Они ворвались в толпу ребят, размахивая маленькими метелками.

— Будете наговаривать на моего третьего брата — побью!

— Бить их!

— Бежим! Скорее бежим!

Орда сорванцов с хохотом разлетелась в разные стороны. Троица братьев гналась за ними с метлами какое-то время, пока те не скрылись из виду, и только тогда остановилась.

— Какие же они злые! Пятый, шестой, не смейте с ними играть! — Цинь-гэр весь так и пылал от возмущения.

— Поняли, четвертый брат, — в унисон протянули близнецы.

Трое братьев, волоча за собой метлы размером почти с них самих, вернулись в дом. Цинь-гэр строго наказал:

— Дома не вздумайте про это рассказывать третьему брату, а то он очень расстроится.

— Не волнуйся, четвертый брат, мы не скажем, — пообещали близнецы, хлопая себя по маленьким грудным клеткам.

Цинь-гэр удовлетворенно кивнул своим пухлым личиком, прислонил метлу к углу и на коротких ножках побежал в дом искать Лу-гэра. Близнецы переглянулись; их черные глазки-бусинки заблестели, а выражения лиц стали точь-в-точь одинаковыми.

— Шестой, неужели мы это так оставим?

— Ну уж нет! Если не пойдем и не накажем их, какой из меня «Восточный Главварь»? — с серьезным видом заявил Цзин-гэр.

— Запевалой был Вань Эр-ланьцзы, я его видел, — припомнил Е Цзюньвэй.

— Само собой! — Цзин-гэр сердито вскинул брови. — Пятый брат, похоже, нам пора проучить этих мелких негодяев с Западной улицы. Ишь, посмели нас задирать! Пусть узнают, почему цветы такие красные!

Е Цзюньвэй кивнул. Раз те посмели сочинять гадости про Третьего брата (Лу-гэра), то если их не проучить, куда девать авторитет «Восточного Главваря»?

Цзин-гэр немного подумал и сказал:

— Пятый, сходи-ка к Да-пану и Сяо-пану, и скажи им вот что... — Цзин-гэр зашептал свой хитрый план на ухо брату.

Е Цзюньвэй слушал и кивал:

— Не бойсь, Шестой, всё передам! — после чего ловко развернулся и припустил к калитке, мгновенно скрывшись из виду.

Цзин-гэр отбросил метлу и тоже побежал в дом, крича на ходу:

— Третий брат! Третий брат!

В комнате юноша, чей силуэт дышал спокойствием, склонил голову над искусной вышивкой. Стоило Цзин-гэру вбежать, как он сразу бросился к брату. Юноша, боясь уколоть ребенка иглой, поспешно поднял руки и с обожанием позволил шестилетнему сорванцу уткнуться головой ему в грудь.

Свободной рукой он нежно погладил брата по голове:

— Ну всё, всё. Поласкался — и иди поиграй с четвертым братом. Дай мне закончить этот узор. И не шуми так, а то Нань-амэ увидит — опять ругать будет.

Цзин-гэр надул розовые щеки:

— Третий брат, большой брат строго-настрого запретил тебе вышивать дольше часа подряд. Сейчас уже точно час прошел! Пора отдыхать, а не то, как большой брат вернется, я ему на тебя нажалуюсь!

Цинь-гэр, который как раз мучился над запутавшимся клубком ниток, подхватил:

— И то верно, третий брат. Надо передохнуть, а то глаза испортишь.

Видя, как оба брата смотрят на него, словно два тигренка, Лу-гэр послушно отложил вышивку:

— Хорошо, хорошо, сдаюсь. Не буду больше вышивать, ябеды вы маленькие.

Лу-гэр взглянул на работу: осталось совсем чуть-чуть, а до срока сдачи заказа еще несколько дней, так что он успеет. С тех пор как они обосновались в Юнчжоу, Лу-гэр вместе с Нань-амэ договорились о сотрудничестве с мастерской вышивки. За два года он умудрился скопить порядочную сумму.

Поначалу он хотел отдавать деньги на домашние нужды, но большой брат заставил его оставить их себе на личные расходы. Делать было нечего, и он продолжал копить. Хотя он и не знал, откуда большой брат берет серебро, но видя, что тот никогда не тужит о деньгах, Лу-гэр решил просто откладывать их на черный день — вдруг когда-нибудь его скромная помощь пригодится.

Цзин-гэр, как заправский взрослый, удовлетворенно кивнул. Лу-гэр огляделся:

— А где пятый брат? — Близнецы обычно были не разлей вода, а тут одного и след простыл.

Цзин-гэр вытаращил глаза:

— Пятый брат ушел играть! Мне сегодня не хотелось на улицу, вот я его одного и отпустил.

Лу-гэр ущипнул его за носик:

— Вы же не задумали опять какую-нибудь пакость?

Цзин-гэр тут же замотал головой:

— Нет-нет, мы с пятым братом очень послушные! — и захлопал круглыми глазами, подтверждая свою «честность».

— Вот и славно. Только не деритесь, а то если большой брат рассердится, я вас не защищу.

Цзин-гэр тут же отвел глаза, чувствуя укол совести.

Трое братьев вышли погулять во дворе. Лу-гэр, следуя советам большого брата, старался больше смотреть на зелень, чтобы глаза отдохнули. Вспомнив, как Цинь-гэр в спешке выводил близнецов за ворота, он невзначай спросил:

— А что там на улице давеча случилось?

— Ничего! — в один голос выпалили Цинь-гэр и Цзин-гэр.

Лу-гэр посмотрел на них. У Цинь-гэра всё было буквально на лице написано. У четвертого брата с рождения не было «второго дна», он не умел хитрить и скрывать чувства. Глядя на его повлажневшие глаза, Лу-гэр сразу всё понял — у Цинь-гэра всегда был такой вид, когда кто-то заговаривал о его лице.

Значит, опять услышали на улице эти гадости. За два года он к этому привык и, честно говоря, ему было всё равно, но братья так сильно его любили, что не могли стерпеть ни слова — сразу «взрывались».

Лу-гэр не стал больше расспрашивать. Они немного поиграли во дворе и вернулись в дом.

На следующий день, когда поднялся ветерок, братья отдыхали в тени деревьев. Лу-гэр и Цинь-гэр склонились над шитьем, а близнецы расселись на низеньких табуретках, то и дело с надеждой поглядывая на ворота. Они явно чего-то очень ждали.

Вдруг снаружи раздались странные, ни на что не похожие вопли. Глаза близнецов загорелись, они тут же сорвались с места и, вильнув маленькими тельцами, пулей вылетели со двора. Лу-гэр даже не успел их окликнуть.

На углу переуллка стояли двое — один побольше, другой поменьше, оба кругленькие и пухлые. Надув щеки и покрасневшись, они на разные лады выкрикивали причудливые звуки, пытаясь подражать крикам животных, но выходило у них нечто ни на что не похожее.

— Да-пан, Сяо-пан!

Услышав голос предводителя, толстячки, отдуваясь, подбежали к ним:

— Старший главарь! Младший главарь!

Они расплылись в улыбке, отчего их глаза превратились в узкие щелочки среди пухлых, как маньтоу, щек. Да-пан доложил:

— Старший главарь, младший главарь, все наши в сборе! Ждем только вашего приказа, и сразу

пойдем бить этих «черепаших внуков» с Западной улицы!

Сяо-пан тоже отчитался: — Те гаденыши и правда туда пошли, сейчас они на Малом Западном склоне. Мы их всех разом накроем!

— Отлично сработано! — Цзин- гэр удовлетворенно кивнул, приняв вид настоящего босса мафии. — Вперед, на соединение с отрядом!

Близнецы вместе с Да-паном и Сяо-паном выбежали из переулка. Там их ждал десяток «кочанчиков» разного роста. Увидев командиров, они хором выкрикнули:

— Приветствуем главарей!

Близнецы со строгими лицами кивнули. Цзин- гэр разделил бойцов на два отряда: один повел сам, другой доверил пятому брату.

— Вперед, братья! Окружаем их с двух сторон, соблюдаем маскировку. Сегодня мы разделяем этих щенков с Западной улицы в пух и прах!

— Есть!

Стайка детей быстро разбежалась в разные стороны, направляясь к Малому Западному склону. Как только враг оказался в кольце, раздался клич «Ха-да!», и оба отряда с воинственными криками бросились в атаку. Завязалась свалка: в ход пошли зубы, когти и пятки — все «восемнадцать приемов» уличного боя. Битва была настолько яростной, что на это больно было смотреть...

В итоге отряд близнецов одержал победу, заставив Западную улицу признать поражение и назваться их «младшими братьями». С этого дня близнецы стали полновластными хозяевами и Восточной, и Западной улиц, и вражда между районами прекратилась.

Близнецы, неся на себе следы «героических» подвигов, гордо, как победившие петухи, задрав носы, зашагали домой. А там «победоносные главари» были немедленно заперты своим настоящим! Большим Боссом в кабинете, где им выдали кисточки и велели переписать «Троесловие» двести раз. Ну и, собственно, гулять они смогут выйти только тогда, когда закончат.

Когда спустились сумерки, две маленькие головки, одна над другой, показались в дверном проеме. Они долго высматривали, нет ли кого внутри, и, убедившись, что путь свободен, юркнули в комнату. Короткие ножки бежали быстро, они почти добежали до двери спальни, как вдруг Большой Брат, поджидавший их в засаде, схватил их на месте.

У обоих сорванцов лица были раскрашены всеми цветами радуги — не заметить следы драки было невозможно. Е Цзюньшу с мрачным видом сурово наказал обоих смельчаков, и никакие мольбы о пощаде не помогли.

Спустя какое-то время Цзин- гэр заметил, что Е Цзюньвэй не может усидеть на месте, и заботливо спросил:

— Пятый брат, твоя попка еще болит?

Е Цзюньвэй потер пострадавшее место, по которому прилетело несколько увесистых шлепков, и шмыгнул носом:

— Не болит, шестой, не переживай. — На самом деле всё-таки саднило, но самую малость.

— Пятый брат снова за меня отдувался, — Цзин-гэр протянул ручонку тоже погладить, отчего Е Цзюньвэй, краснея, заерзал, пытаясь увернуться.

— Пустяки! Я парень крепкий, ударов не боюсь. Настоящий мужчина должен уметь брать на себя всю вину! — Е Цзюньвэй гордо выпятил грудь.

Большой Брат обычно не применял физических наказаний, но в этот раз он был вне себя от гнева. Когда он спросил, чья это затея, пятый мужественно признался, что он — главный зачинщик, мол, это он сбил шестого с пути истинного и потащил драться, из-за чего шестому расцарапали лицо... В общем, он не защитил младшего, так что получил от брата по заслугам.

— Пятый, ты сколько уже переписал?

— Второй раз еще не закончил, — уныло ответил тот.

— Ничего, я пишу быстрее. Как закончу свое, помогу тебе.

— Ага!

В это время Е Цзюньшу делал уроки в кабинете Юй Маолиня. Сам Юй Маолинь два месяца назад отправился обратно в уезд Линьфэн для сдачи экзаменов уровня академии. Сомнений не было: в этот раз он точно станет первым в списке (аньшоу).

Время летело быстро, незаметно прошло два года. Всё это время Е Цзюньшу жил в Юнчжоу. За два года в их родной деревне наверняка произошло много изменений, о которых он и не догадывался.

Его шицун и Ло-гэр успешно заключили брачный союз спустя полгода после их отъезда. Судя по письмам, жизнь у них текла мирно и счастливо, а в начале этого года у них даже родился крепкий сынишка. В этот раз, когда Маолинь уезжал, Е Цзюньшу передал с ним целую гору подарков: и для взрослых, и для детей — всё, что смог придумать. Он намеренно проигнорировал то, как почернело лицо Юй Маолиня при виде этой огромной телеги с презентами. В конце концов, за Юем приехала куча слуг, ему самому тащить не придется — доставит мимоходом. Жаль только, что не удалось повидать маленького племянника.

При мысли о том, что у его вечно юного душой шицуня уже есть сын, Е Цзюньшу невольно вздохнул: «Время — это нож мясника».

Проведя в раздумьях какое-то время, Цзычжоу вернулся к занятиям. Сосредоточившись, он взял кисть и продолжил ежедневную практику: стократное написание иероглифов.

Хотя характер его учителя был... как бы это сказать... неоднозначным, нельзя было отрицать, что его эрудиция была феноменальной. Последние два года Е Цзюньшу, помимо основной программы в академии, занимался с ним индивидуально. Юй Маолинь всегда был для него целью, за которой он молча гнался. То, что теперь он шел с ним вровень и они попеременно занимали первые места, говорило о его поразительном прогрессе. Ведь Юй Маолинь тоже не стоял на месте, поджидая его. Теперь весь Юнчжоу знал об их успехах, а в литературных кругах их величали «Двумя талантами Юнчжоу». Это доказывало, что хоть учитель большую часть времени и ведет себя ненадежно (например, постоянно зовет ученика выпить), в плане

профессионального обучения на него можно положиться.

На предстоящих провинциальных экзаменах (сянши) все гадали: кто же из двоих — Е Цзюньшу или Юй Маолин — возьмет первое место и станет «цзеюанем»? На это даже начали подпольно принимать ставки. Цзычжоу и сам начал всерьез задумываться об этом титуле — когда тебе каждый день жужжат об этом в уши, волей-неволей начнешь прикидываться. Теперь за его спиной стояла семья Чжо. Чем талантливее он был, тем большую ценность представлял, а значит, он мог позволить себе сиять всё ярче.

Учитель как-то сказал: только выжимая из себя максимум, можно раз за разом превосходить самого себя. Если постоянно скрывать таланты, твой свет угаснет, и ты из прекрасной яшмы превратишься в обычный придорожный песок. Е Цзюньшу долго размышлял над этими словами и решил, что учитель прав. Если долго притворяться свиньей, чтобы съесть тигра, можно и вправду превратиться в свинью. Раньше он боялся зависти, боялся потерять единственный шанс выбиться в люди.

Теперь, когда эти опасения остались в прошлом, ему больше не нужно было осторожничать: он мог позволить себе действовать так, как считал нужным.

В дверь трижды постучали. Е Цзюньшу крикнул: «Войдите», и створка распахнулась. Вошел Лу-гэр, неся поднос. На его лице играла мягкая улыбка:

— Брат, ты, должно быть, проголодался? Вечером ты почти ничего не съел. Мы с амэ приготовили сладости, они совсем не приторные, попробуй.

Говоря это, Лу-гэр аккуратно поставил две тарелки с десертом на свободный край стола. Е Цзюньшу отложил кисть, не став отказываться. Он подошел к умывальнику, вытер руки влажным полотенцем и только тогда принялся за еду.

Сладости были сделаны искусно и изящно. Он съел их одну за другой, опустошив полтарелки, прежде чем остановиться и запить угощение принесенным Лу-гэром чаем. Вернувшись домой и увидев «разноцветные» лица близнецов, он так разозлился, что кусок в горло не лез.

К счастью, за весь вечер никто из родителей других детей не пришел с жалобами. Это значило, что в массовой потасовке обошлось без серьезных травм — дети всё же знали меру. Но это не оправдывало саму драку! Е Цзюньшу до глубины души возмущало такое поведение: хорошие дети, а лезут в драку. Особенно Цзин-гэр — в этот раз ему повезло, но что, если бы кто-то не рассчитал силу и нанес неизлечимую рану? Или если бы они сами покалечили другого ребенка — это же сломанная жизнь!

За два года под влиянием Нань-амэ Е Цзюньшу и сам начал обращать больше внимания на различия между мужчинами и гэрами. Хотя некоторые его взгляды всё еще отличались от принятых в эту эпоху, он прежде всего не хотел, чтобы на его близких указывали пальцем или презирали их.

Последние два года он почти все силы отдавал учебе, из-за чего внимания детям доставалось меньше. Теперь же близнецы выросли в таких личностей, которые перед старшими умели быть благовоспитанными молодыми господами, а перед сверстниками превращались в настоящих уличных сорванцов. Он даже не знал, радоваться этому или огорчаться. Близнецы были настолько хитрыми, что в глазах семьи Чжо и других старейшин слыли послушными и вежливыми детьми, но на улице они были «королями» детворы. Хм! Думают, он не знает про их «Старшего главаря» и «Младшего главаря»? Послушать со стороны — так чистый криминал.

— Брат, может, еще немного? — видя, что Е Цзюньшу съел мало, Лу-гэр попытался его уговорить. — Отдай остальное детям, мне достаточно, — ответил Е Цзюньшу и, вспомнив, добавил: — Только следи, чтобы они не переели, а то живот разболится.

Лу-гэр не сдержал улыбки:

— Я понял, брат. Не волнуйся, пятому и шестому я разрешил передать через Цинь-гэра только по четыре штучки, не больше.

Услышав это, Е Цзюньшу хмыкнул, но возражать не стал. Он посмотрел на Лу-гэра: за два года тот заметно вытянулся, детская пухлость исчезла, и он казался еще более хрупким — как его ни откармливай, всё не впрок. Лу-гэру уже исполнилось двенадцать лет, он почти доставал брату до плеча!

Е Цзюньшу вдруг осторожно, словно советуясь, спросил:

— Лу-гэр, может... позволим пятнышкам на твоём лице постепенно сойти?

Он прекрасно знал, о чем шепчутся люди за их спинами. Даже те, кто не мог найти изъянов в самом Е Цзюньшу, порой пытались задеть его через Лу-гэра, сочиняя всякие гадости. Это злило Цзычжоу, но больше всего ему было больно за брата. Хотя эти следы можно было убрать в любой момент, у Лу-гэра развилась психологическая травма: он упрямо верил, что только с этим «клеймом» на лице он не принесет вреда семье и все они будут в безопасности.

За эти два года Е Цзюньшу не раз намекал на это, но так и не смог заставить Лу-гэра передумать. Стоило поднять эту тему, как тот неизменно отвечал отказом. Вот и сейчас, едва услышав вопрос, Лу-гэр тут же замотал головой и понурился, замолкнув.

Е Цзюньшу тяжело вздохнул. Будь его воля, он бы выбросил все мази и силой заставил его перестать ими пользоваться. Но перед отъездом из родных мест Лу-гэр специально научился у лекаря Суна готовить это средство, а перед самой дорогой Е Цзюньшу лично обошел все окрестные горы, срезая всю «сыпную траву», что попадалась на глаза. Этих запасов Лу-гэру хватило бы на добрых двадцать лет. К тому же Цзычжоу не знал, не повредит ли такое долгое использование мази коже брата.

Однако, глядя на поникшего Лу-гэра, Е Цзюньшу после недолгих колебаний так и не нашел в себе сил заставить его. Что ж, в конечном счете причина была в том, что он сам еще недостаточно силен, чтобы дать Лу-гэру полное чувство безопасности. Вот когда он поднимется выше, возможно, этот узел в душе брата развяжется сам собой? Е Цзюньшу мысленно поклялся, что на предстоящих экзаменах он обязательно добьется блестящего результата!

— Иди пригляди за близнецами. Время уже позднее, пусть ложатся спать, а допишут завтра.

Лу-гэр молча кивнул и посмотрел на брата:

— Тогда я пойду, брат. Ты тоже ложись пораньше.

Е Цзюньшу кивнул и проводил его взглядом.

Близнецов он начал обучать грамоте с четырех лет, и теперь, когда они достигли школьного возраста, он всерьез задумывался: не отправить ли и Пятого в школу, чтобы тот меньше дрался и проказничал? Но вспомнив, что после провинциальных экзаменов в случае успеха им

предстоит путь в столицу, а при хорошем раскладе — и вовсе назначение на должность, Е Цзюньшу решил повременить. Учебой пятого брата он займется, когда они окончательно осядут в Шанцзине (столица).

Отбросив лишние мысли, он успокоил сердце, снова взял кисть, обмакнул её в тушь и принялся дописывать оставшиеся иероглифы.

<http://bllate.org/book/15226/1411557>